

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Чертovski
весело*

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
ЕО
ИНТЕРНЕТ
КОТНИНОВА

5.0/5

Марина Сергеевна Серова
Чертовски весело
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166923
Чертовски весело. На всю катушку: Эксмо; М.: 2004
ISBN 5-699-08737-0*

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Марина Серова

Чертовски весело

Глава 1

– Александр Владимирович! Александр Владимирович! – окликнула его консьержка. – Вам плохо, что ли? Что это вы?..

Александр Владимирович Григорьев тряхнул головой и с силой провел ладонью по своему чисто выбритому лицу.

– Н-нет, – выговорил он, – все в порядке...

Непонятное какое-то ощущение. Шел-шел, зашел в собственный подъезд, и вдруг накатило... Как будто внезапно проснулся среди ночи и, вместо того чтобы оказаться в постели, очутился в своем подъезде. Вечер уже. Вечер трудового дня. С работы возвращаюсь. Что это, черт возьми, со мной?

Григорьев еще раз тряхнул головой, нажал кнопку лифта и, дождавшись, пока створки разойдутся, вошел. Консьержка проводила его удивленным взглядом – надо же, заработался как. Работать в крупнейшем банке города, да еще когда ты совладелец этого банка, – заработаешься тут.

На пятом этаже Григорьев вышел из лифта, сделал два шага по направлению к двери своей квартиры и остановился.

Постояйте-постояйте... а в прошлый раз было точно такое же ощущение. Как будто проснулся среди ночи. В прошлый раз, когда...

Он рывком раскрыл «молнию» на кожаной папке и принялся лихорадочно рыться в бумагах. Договор с Воронежем... письмо из Твери от поставщиков... из Москвы... и еще, еще бумаги... А где же?..

Опять пропала!

Григорьев мучительно застонал, опустил на корточки и стал раскладывать на коврике перед своей дверью бумаги – договор, письма...

Нет! Пропала!

Сосед-пенсионер в растянутых трико с мусорным ведром в руке вышел из своей квартиры и проследовал вниз по лестнице, проворчав какую-то гадость о «назюзюкавшемся капиталисте». Григорьев не обратил на соседа никакого внимания.

Что же это такое? Уже второй раз у Александра Владимировича по пути из банка домой пропадает важная бумага. Не просто важная, а, можно сказать, важнейшая. Которой вообще-то полагается лежать в надежном сейфе, а не в кожаной папке. Ну а что же делать, если времени не хватает, еще и дома ночью работать с бумагами приходится.

Вот и поработал.

«Ну все теперь, – с тоской подумал Григорьев. – Задовский, компаньон мой, на этот раз точно собрание акционеров

устроит. К чертям выгонит меня и один банком станет руководить. И прав будет – на хрена банку нужен такой управляющий, который второй раз за неделю теряет важные документы? Это сколько же я убытку уже банку принес?»

Бездумно двигаясь, как заведенная машина, Григорьев собрал бумаги обратно в папку, открыл дверь своей квартиры и вошел.

«Где этот чертов документ мог пропасть? Потерялся? Исключено – папка без дырок, новая, купил только что...»

Александр Владимирович, не раздеваясь, прошел в ванную, сунул голову под кран. Присел на край ванны и закурил. Две капли с его волос упали на сигарету. На смоченной сигаретной бумаге появились крошечные коричневые точки – просвечивал табак.

«А может быть, украл кто? Да нет, вроде. У банка меня машина ждала, так до подъезда дома и довезла. Папку я из рук не выпускал. Может, в банке? По дороге из кабинета к выходу? Я ведь точно помню, что переложил документ из сейфа в папку перед самым уходом и... все. Потом все время папку в руках держал. Всю дорогу. Черт его знает, что такое...»

Еще одна капля с волос Григорьева упала прямо на кончик его сигареты. Горящий табак коротко, едва слышно, пшикнул и погас.

– Ну что я могу сделать, Александр Владимирович?! Что я могу сделать? – уже раздраженно произнес Задовский. Он порывисто развел руками, несколько раз пересек собственный кабинет и остановился у стола. В упор посмотрел на стоящего напротив него понурившегося Григорьева и пригладил свои редкие серо-рыжие волосы. Потом глубоко вдохнул, отчего и так крупные черты его лица сделались еще крупнее, и выдохнул.

Александр Владимирович Григорьев и Валерий Петрович Задовский были владельцами «Буллет-банка» – одного из крупнейших, да пожалуй, самого крупного в городе банка. Погодки, они управляли банком на равных правах, но сейчас, когда эта чертовщина, происходившая с Григорьевым, ставила под угрозу всю деятельность компаньонов, положение вещей изменилось: Григорьев незаметно отошел на второй план, важнейшие дела теперь Задовский стал брать на себя.

– Я и сам не понимаю, Валерий Петрович, что происходит, – то и дело дотрагиваясь кончиками пальцев до горла, тихо сказал, почти прошептал Григорьев.

– Я тоже не понимаю! – резко ответил Задовский. – Вы знаете, сколько мы денег потеряли из-за вашей... безответственности?!

– Мистика какая-то... – почти не слушая своего компаньона, так же тихо проговорил Григорьев, – я ж из рук не выпускал... – Он поднял глаза на Задовского.

– Н-ну, ладно, – смягчился вдруг Валерий Петрович, – в конце концов, мы с вами не первый год вместе работаем. Не первый и не второй...

– Четыре года уже, – подсказал Григорьев и опустил голову.

– Вот именно – четыре. Первый раз у нас с вами петрушка такая выходит... Ладно, собрания пока... не будет... Только смотрите, Александр Владимирович... Вы знаете, как я к вам отношусь – мы же с вами не один пуд соли, как говорится... Но это в последний раз, учтите, Александр Владимирович, в последний раз. Если и следующий документ... то я прямо и не знаю, что делать. Вы уж меня извините, но я буду вынужден...

– Понятно, – прогудел Григорьев, не поднимая головы.

– И хорошо, что понятно, – вздохнул Задовский и отвернулся к своим бумагам на столе, давая понять, что разговор закончен.

Григорьев направился к двери и дотронулся уже до ее кожаной обивки, когда Задовский внезапно окликнул его:

– Александр Владимирович! Я тут подумал... Может быть, вам в отпуск уйти? Пока все не утрясется? Вид у вас того... больной...

«Может быть, действительно в отпуск пойти? – думал, закрывшись в своем кабинете, Григорьев. – Тридцать пять лет мне, а из-за всей этой... дряни, чувствую себя стариком столетним. Нет, – качнул он головой, – банк только-только в гору пошел, работать нужно изо всех сил, а я... Ах, как нехстати все эти пропажи!»

Он позвонил секретарше, попросил кофе, распорядился никого к нему не пускать и пару секунд спустя добавил:

– Кроме Задовского.

Принесли кофе. Григорьев поднес чашку к губам и вдруг замер. Постойте, постойте, если я сам не могу за собой уследить, то пусть за меня это кто-нибудь другой сделает. Телохранитель! Хороший телохранитель – вот что мне нужно, вот выход из положения.

Александр Владимирович даже улыбнулся, настолько проста и удачна показалась ему эта мысль. Помнится, Селиверстов, знакомец еще со школьной скамьи, рассказывал об одной женщине – профессиональном телохранителе. Она его несколько раз выручала здорово. Когда карасевские бандиты на него наехали, и еще там...

«Только бы Селиверстов на рабочем месте оказался», – подумал Григорьев, снимая телефонную трубку.

Интересно, почему это весной на меня находят воспоминания о прошлой – той – жизни? Почему это я с завидной регулярностью просыпаюсь каждую ночь, разбуженная неожиданно возникшей в моей памяти сценой?

Я посмотрела на часы – половина четвертого. Утро скоро. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить тетушку, спящую в соседней комнате некрепким, старческим сном, я встала с постели, накинула на себя халат и, прихватив со стола сигареты, вышла на балкон.

«А сегодня к чему этот сон был?» – подумала я, закури-
вая.

Вот уже четыре года прошло с тех пор, как я покинула отряд «Сигма», а все еще в памяти то всплывают эпизоды спецподготовки в отряде, то моей учебы в специализированном военном институте, готовящем, по выражению какого-то остряка, джеймс бондов русского разлива.

Я бы этого остряка за его выражение!.. Тоже мне, сказал – джеймс бонды! Моя подготовка за годы обучения и службы была такова, что я легко заткнула бы за пояс всех этих карамельных героев...

Я глубоко вздохнула и, сделав последнюю затяжку, щелчком отбросила окурок за балкон. Небо уже светлело.

Зашумел легкий утренний дождик, наверное, первый в

этом году. Я встрепелулась – что это за мысли такие дурацкие в голову лезут? Это все от того, что работы у меня давно не было. Когда я, почти четыре года тому назад, переехала в этот городишко, я поселилась у своей тетушки и, чтобы не сидеть у нее на шее, очень быстро нашла себе работу. Телохрани- телем.

Подготовка у меня... соответствующая, так что за работу я берусь в том случае, если клиенту грозит реальная и серьезная опасность. Стоят мои услуги довольно дорого, но... зато, поверьте, все мои клиенты и по сей час живы-живехоньки, живут себе поживают и в ус не дуют...

Я закурила еще одну сигарету. Четыре часа, начало пятого. Скоро уже тетушка проснется, она всегда рано встает, очень рано, так в деревне бабушки просыпаются – около шести часов утра.

Вот забавно, с тех пор, как моя тетя Мила вышла на пенсию, единственным и целиком поглотившим ее увлечением стало чтение детективных романов. Романы покупались десятками – на них уходила почти вся тетушкина пенсия, я здорово помогала ей своим заработком телохранителя.

«Что я буду делать, когда ты замуж выйдешь? – вопрошала тетя Мила обычно, возвращаясь из книжного магазина с ворохом свежего чтива. – Моей ведь пенсии хватит только, чтобы в районную библиотеку записаться».

Не бойся, тетя, не выйду я замуж. То есть оно, конечно, и неплохо было бы, но... я как-то слабо представляю себя

домохозяйкой. И за кого мне выходить? Достойных людей в этом городишке – раз-два, как говорится, и все...

Хотя звали, звали меня замуж. Мои же клиенты и звали. Не могу, конечно, полностью за их мысли отвечать, но мне почему-то кажется, что все эти мои «женихи» просто-напросто хотели приобрести себе бесплатного телохранителя в моем лице.

Да еще и... Я ведь все-таки не дурнушка, далеко не дурнушка – мне еще и тридцати нет, и фигура, и лицо...

На улице, в общем, каждый второй мужчина мне вслед оглядывается.

Я докурила вторую сигарету и пошла на кухню – кофе приготовить. Яичницу еще можно пожарить – тетушка проснется, а завтрак на столе уже. Удивится и порадует, надо полагать...

* * *

– Ну, Женька, удивила ты меня сегодня, – наливая себе кофе, говорила тетя, – удивила и порадовала! Я только проснулась, думала, сейчас с завтраком возиться придется, а тут... Раз, и он на столе.

– Да, – скромно согласилась я.

– А чего это ты поднялась сегодня ни свет ни заря? – заинтересовалась тетя Мила. Она подвинула тарелку и положила перед собой раскрытую книгу. – Всегда вроде вставала

в одно и то же время...

– Вы, тетя Мила, разве не знаете, что читать за едой вредно? – Я посмотрела на обложку – «Очищение смертью». Ну вот, очередное низкопробное чтиво. – Вредно, тетя, очень вредно.

– Да? Почему это? – рассеянно спросила тетя.

Она уже углубилась в книгу и успела забыть и о заданном ею вопросе, и вообще обо всем на свете, кроме своего «Очищения». Я и не стала на этот рассеянный вопрос отвечать, незачем, меня все равно не услышат.

В прихожей задребезжал телефон.

– М-м! – выразительно промычала тетя Мила, указывая на него пальцем. Она откусила бутерброд и перелистнула страницу.

– Да, тетя, сейчас сниму трубку, – со вздохом ответила ей я и подошла к телефону. Наверняка это тетушке звонят, у меня-то друзей в этом городе нет. Если не считать, конечно, деловых знакомств...

– Алло, с Евгенией Максимовной Охотниковой я могу поговорить?

– Уже говорите, – ответила я. – Евгения Максимовна Охотникова вас внимательно слушает.

Неужели по поводу моих, так сказать, услуг? Хорошо бы.

– Ваш телефон мне дал наш общий знакомый Игорь Селиверстов...

Ага, это Игорек меня, значит, порекомендовал. Молодец,

молодец!

– Зовут меня Григорьев Александр Владимирович. Я вот по какому делу...

– Если по делу, – прервала я своего собеседника, – тогда нам лучше не по телефону разговаривать, а где-нибудь встретиться.

– Хорошо, – легко согласился он, – где вам будет удобно? Назовите, пожалуйста, место, где вы бы хотели...

Ого, какой предупредительный и вежливый. А в каком бы месте я хотела? В смысле – встретиться. Назвать, что ли, тот самый ресторан, как его?.. По телевизору еще рекламировали...

* * *

Мой новый клиент оказался человеком приятным и, что немаловажно, небедным. Встретились мы с ним в «Ромео» – одном из самых лучших ресторанов города. Время было еще раннее; для посещения ресторанов – дорогих в особенности – необычное, и народу в зале не было, кроме одного человека. Так что моего клиента я узнала сразу.

Невысокого роста, далеко за тридцать, чисто выбритый. Серый костюм. В общем, человек, ничем не выделяющийся. Только глаза вот у него... Такие глаза бывают у человека чем-то очень озабоченного. Или несколько ночей не спавшего.

Здороваясь со мной, он привстал.

– Александр Владимирович? – полувопросительно произнесла я, подавая руку.

Он кивнул:

– А вы, наверное, Евгения Максимовна?

– Точно. Только лучше – просто Женя. Не люблю я, когда меня по имени и отчеству называют. Как учительницу в школе.

Александр Владимирович не знал, с чего начать.

– Наш общий знакомый Игорь... – сказал он.

– Наш общий знакомый Игорь предупредил вас о том, сколько я беру за свои услуги? – поинтересовалась я, чтобы сразу перейти к делу.

– Предупредил, – быстро ответил Григорьев.

– Ну так, если вы согласны, тогда излагайте вашу... ситуацию, – предложила я.

Григорьев почесал за ухом, попросил подошедшего официанта принести кофе и фрукты и начал рассказывать.

Говорил он долго, кроме непосредственных фактов посвящал меня еще и в свои ощущения от всего происходящего, так что, когда он закончил, я уже ополовинила вазу с фруктами и допивала третью чашечку кофе.

– Вот, – произнес он наконец, – все.

– Так, – медленно произнесла я, – значит, вы установили, что документы пропадают у вас, когда вы возвращаетесь из банка домой?

– Ну... примерно так...

– Выходит, что моя работа заключается в том, чтобы помочь вам перевезти документы в целости и сохранности. И все?

– Знаете, – он опять почесал за ухом, – наверное, будет лучше, если вы будете работать, так сказать, по полной программе. То есть всегда находиться при мне. И днем и ночью.

Так. Опять начинается. Сколько раз уже я говорила себе – не ходи, Женя, на деловые встречи в коротких юбках. Надо будет вообще под мужчину гримироваться. Во избежание. Все-таки искусство маскировки я изучила, как... никакое другое искусство.

Григорьев, впрочем, уловил мою усмешку и смешался:

– Вы, наверное, не так меня поняли, – заговорил он, подаваясь вперед. – Я не то хотел сказать, – заторопился он.

Я рассмеялась:

– Наверное...

Нет, он мне положительно нравится! Крупный бизнесмен, можно сказать, один из главных воротил в городе, а какой... приличный. Застенчивый даже.

Не то что другие – в золоте с ног до головы, как итальянские проститутки, а разберешься – кошелек украл и два коммерческих киоска купил.

– Я хотел сказать, – сформулировал Александр Владимирович, – что на любые условия согласен, чтобы... бумаги у меня больше не пропадали.

– Понятно, – ответила я, – а вернуть?

– Что вернуть? – не понял Григорьев.

– Ну, бумаги пропавшие вернуть, – пояснила я, – это в мои обязанности не входит?

– Да что вы, Женя, – теперь уже он рассмеялся, – зачем их возвращать. В данный момент они не имеют никакой цены. Вот в момент пропажи... – Тут с него разом слетела улыбка. – Это же законы бизнеса: хочешь жить – умей вертеться. Быстро вертеться. И копии с них тоже не имеет смысла снимать. Если такая бумажка в чужие руки попадет, то – все. Никакие копии не прокатят. Понятно? Так вот. Бизнес...

Мы помолчали. Я взяла из вазы последний банан.

– Заказать еще фруктов? – встрепенулся Александр Владимирович.

– Н-нет, – после короткой борьбы с собой отказалась я, – значит, я работаю... на полную катушку? Круглые сутки?

– Да, – решительно подтвердил Григорьев, – это, поверьте, не для того, чтобы вас... того. Просто, если у меня не прекратится пропажа бумаг, то – все... Карьере моей... – тут он осекся, проглотил уже готовое соскочить слово и, секунду спустя, закончил: – Кранты.

Какая лялька «не того»... А если бы и «того» – тоже ничего страшного.

– Сегодня на работу заступать? – осведомилась я, закуривая.

– Нет, – простодушно ответил Григорьев, – сегодня я вы-

ходной взял. Завтра. Приходите с утра в «Буллет-банк» в мой кабинет. К восьми, скажем. Охрану я предупрежу, вас пропустят.

– Хорошо. – Я затушила недокуренную сигарету и поднялась. – Тогда до завтра.

– До зав... Подождите, Женя. Я тут как раз завтракать собирался. Не составите мне, как это говорится, компанию?

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась я и еще раз попрощалась.

Конечно, интересно попробовать, как кормят в «Ромео», но... я только что целую вазу фруктов слопала. Что обо мне мой клиент подумает? Я же все-таки красивая и во всех отношениях интересная женщина, а не крокодил.

* * *

Совсем недавно я разработала свой метод работы телохранителя. Сам принцип его не нов – суть заключается в том, что охрана невидима, кажется, что охраняемый человек совсем даже и не охраняемый.

Обычные охранники достигают этого внешнего эффекта тем, что стушевываются, уходят в тень. Мой же способ сделать охрану невидимой постороннему глазу уникален и неповторим. Неповторим прежде всего потому, что я не стушевываюсь и не ухожу в тень, а перевоплощаюсь.

Если за охраняемым человеком – объектом – кто-ни-

будь следит, то такому преследователю никогда нельзя точно знать – под охраной объект или нет. Ведь охранником-телохранителем может оказаться и уборщица, вычищающая мусорную корзину в соседней комнате, и посетитель, случайно зашедший в кабинет... В общем – кто угодно. А определить, кто именно и есть охранник, тут уж, наверное, не сможет никто.

По крайней мере, я таких людей не встречала.

Маскировку нам преподавали еще в специнституте, а на практике я это искусство до тонкостей изучила, когда проходила службу в отряде «Сигма».

Там меня и прозвали Хамелеон.

Глава 2

Ровно в восемь часов утра на следующий день я вошла в здание «Бюлет-банка». Охранник несколько минут, морща брови от непосильного умственного напряжения, сравнивал мое лицо с фотографией в моем паспорте.

– Проходите! – наконец разрешил он, – второй этаж, сорок третий кабинет.

Я поднялась на второй этаж, отыскивала сорок третий кабинет.

– Вы к кому? – удивленно подняла на меня глаза секретарша, переревшая и изрядно потрепанная жизненными бурями тетенька, которая к тому же с усердием пользовалась косметикой.

«Нормально, – подумала я, – еще один штришок к зарисовке характера Григорьева. Можно подумать, он женщинами совсем не интересуется. Надо же, какое страшилище в секретарши себе взял».

Не успела секретарша закончить свое «вы к кому», как дверь в кабинет Григорьева распахнулась и оттуда показался сам Александр Владимирович.

– Здравствуйте, Женя, – улыбнулся он, – вы вовремя.

Я поздоровалась с ним, он провел меня в свой кабинет и попросил тетеньку принести кофе.

– Александр Владимирович, – начала я, сразу переходя к

делу, – версию о том, что документы вы теряете сами, придется отбросить – вы утверждаете, что случайно потерять их не могли. Сами собой бумаги пропадать не могут, из этого следует простой вывод – документы у вас во-ру-ют.

– Понятно, что воруют, – вздохнул Григорьев. – А кто? Каким образом?

– Это я выясню, – объявила я. – Надеюсь, вы понимаете, что ролью телохранителя я не ограничусь.

– Ну еще бы, за такие деньги...

– Вот именно... – улыбнулась я его понятливости и начала излагать основные аспекты своего метода работы телохранителем. Ну, того самого – с перевоплощениями.

– Здорово! – искренне оценил Григорьев, когда я закончила. – А я-то вас как узнаю? – поинтересовался он.

– А вам зачем? – удивилась я. – Вам и не надо меня узнавать. Вы – уж не обижайтесь на профессиональную терминологию – объект.

– Н-да... – протянул Александр Владимирович и осведомился: – А сегодня вы тоже будете того... перевоплощаться?

– Не исключено, – ответила я.

– А... аксесуары?

Я выразительно похлопала по своей сумочке. Там у меня был для перевоплощения грим. Одежду можно раздобыть на месте – есть простор для творческой мысли и вдохновения. А вот грим – это сложнее, это всегда с собой носить приходится.

Да, надо сказать, я и без одежды, при помощи одного только грима и пластики лица, могу настолько измениться, что меня не узнает даже моя тетушка Мила.

Григорьев покосился на мою довольно скромных размеров сумочку из настоящей, между прочим, крокодиловой кожи, но ставить под сомнение мои слова не стал.

Доверяет.

– А что, – осведомилась я, садясь поглубже в кресло и заводя ногу за ногу, – вы сегодня очень заняты, Александр Владимирович?

Григорьев несколько потупился – он, как того и следовало ожидать, опять меня не так понял.

– Вообще-то... не очень занят... Сегодня, – выговорил он.

– Вот и прекрасно! – обрадовалась я, – передайте, пожалуйста, секретарше, что, скажем, через полчаса вы отбудете на... деловую встречу. С важными бумагами отправитесь, с очень важными.

– А-а, – догадался Александр Владимирович, – на живца собираетесь ловить?

– Что-то вроде...

– Хорошо... Пойдите! – вдруг приподнялся со стула Григорьев. – Вы что же, думаете, что... тот, кто крадет документы, как-то связан с моими сотрудниками?

– Наверняка, – уверенно ответила я, – две пропажи подряд, да еще такие, что даже малейших следов не осталось... Скорее всего кто-то из работников вашего банка... нехоро-

ший человек.

– Да, – после минутной паузы сказал Александр Владимирович, – ладно. И куда же мы пойдем? Ведь у меня никакая деловая встреча не назначена.

– Пойдете по улицам просто прогуляетесь. Не заходите только никуда.

– Я? А вы?

– А я... я рядом буду. Когда будет нужно, я подойду, – успокоила его я. – И, кстати, Александр Владимирович, прежде чем предупредить секретаршу о своей отлучке, вызовите, пожалуйста, к себе в кабинет уборщицу, – попросила я напоследок.

* * *

Ничего себе! Такого даже я с моим феноменальным жизненным опытом не ожидала. Уборщицы-то в банках, оказывается, одеваются получше... некоторых. Моей тети-пенсии-онерки, например.

А я-то рассчитывала экспроприировать какой-нибудь грязный халат и стоптанные башмаки!

Ну, ничего, вместо запланированной старухи придется маскироваться под этакую престарелую матрону, уборщица отдала таинственному Александру Владимировичу, так и не объяснившему ей – зачем, вполне приличное летнее пальтецо, приличное длинное темное платье, приличные коричне-

вые туфли и даже роскошную широкополую шляпу.

Сама же уборщица осталась в приличном спецхалате. Ее одежду Григорьев часа через три обещал вернуть.

Я спустилась на первый этаж в уборную для сотрудников, закрылась там на полчаса и покинула «Булет-банк» через черный ход уже преображенной до полной неузнаваемости.

Григорьев прогуливался у проходной, покуривал, делал вид, очевидно, что обдумывает свою мифическую деловую встречу.

Меня он узнал по выдающейся шляпе, приоткрыл рот, всплеснул руками, но все же скоро от первого приступа удивления оправился, догадался посмотреть на часы и двинулся вперед по тротуару.

Я – за ним. Ковыляла старушечьей походкой, успевая вертеть головой, рассматривая витрины. По-моему, все старушки так делают, даже в таких замечательных шляпках, как у меня.

Первые минут десять-пятнадцать, пока я настраивалась на старушечий лад, все у нас шло гладко и спокойно – Григорьев шел не спеша, я держалась на несколько метров позади него, и прохожие уступали мне дорогу.

«Ничего на этот раз, – заметила я про себя, – никакой слежки, уж слежку-то я точно бы определила. Ничего, еще погуляем и вернемся. Завтра можно будет вторую такую вылазку произвести. А если уж и тогда... В таком случае, придется менять тактику».

Пройдя еще несколько десятков шагов, я заметила нечто неожиданное – ага, вот оно. Это уже интересно!

Какая-то женщина – насколько я могла заметить, довольно ничего женщина: и красивая, и одета небедно, – идущая по противоположной стороне тротуара, вдруг оглянулась на спокойно бредущего Григорьева и остановилась. Потом внезапно, не дожидаясь разрешающего сигнала светофора, перешла дорогу и пристроилась за Александром Владимировичем.

Григорьев эту женщину, как и ее странные перемещения, не заметил.

Мы – уже втроем – прошли до перекрестка. Григорьев остановился перед светофором – красный горел; женщина тоже остановилась – отвернулась и уставилась на витрину ближайшего магазина; остановилась и я – стала рыться в сумочке.

Зеленый свет.

Александр Владимирович двинулся через дорогу, женщина – за ним, и я тоже, оставив свою сумочку в покое.

Странно – кто эта женщина? Следит за Григорьевым? Но я же ясно видела, что она заметила Григорьева случайно, значит, точно не «хвост»; такие «хвосты» не бывают, уж я-то знаю.

Знакомая?

Почему же она тогда не поздоровается с Александром Владимировичем? Идет сзади, как привязанная...

На всякий случай я поближе подобралась к ней. Если она что вздумает выкинуть, я успею среагировать.

Наш рулевой – Григорьев – повернул к скверу, мы – ведомые – естественно, за ним.

Ну и процессия! Я неожиданно развеселилась – сейчас еще кто-нибудь присоседится, и пойдем, как... как черт знает кто... Паровозиком.

* * *

Было очевидно, что Александр Владимирович уже устал гулять. Надоело ему. Ведь он же так не развлекался, как я; думал, что один гуляет, только я одна его сопровождаю.

Два раза он присаживался на скамеечке – мороженое ел, курил. Женщина в таких случаях опускалась на соседнюю скамеечку и наблюдала за ним.

Странная тетенька, очень странная. Чего она привязалась к Григорьеву? Похоже на...

Ну да – похоже на несчастную влюбленную. Поклонницу, так сказать. Чушь вообще-то...

Или, наоборот, она его за что-то ненавидит. Вон смотрит так, как будто бросится на него сейчас...

Наконец, когда утомленный долгой прогулкой Александр Владимирович повернул в обратный путь, я решила... потолковать немного с тетенькой. Надо вот только удачного момента дожидаться... Подворотню бы мне сейчас... Дворик

глухой...

Григорьев пересек пешеходный переход, преследуемая его женщина, ускорив шаги, перебежала дорогу вслед за ним.

Когда к переходу подошла я, зажегся красный свет.

Черт возьми! Я хотела было наплевать на свой благообразный вид и перебежать проезжую часть на красный цвет, но по дороге, свистя и гроыхая, понеслась колонна грузовиков.

Проскочить между этими чудовищами было совершенно невозможно. Мало того — я совсем почти не видела, что происходило на той стороне, через дорогу.

Женщина подошла к Александру Владимировичу. Или нет... не подошла. Черт, глупо-то как! А если это покушение на Григорьева?

Надо же, как глупо!

Прошла целая вечность, пока загорелся, наконец, зеленый свет. Я пробежала между двумя остановившимися грузовиками на другую сторону улицы.

Никого. В смысле — ни Григорьева, ни этой таинственной незнакомки. Вот еще новости! Вот случай, так случай! Что же теперь будет с моей профессиональной репутацией, а? Если Александра Владимировича замочили?

А может, и не было ничего? Может, они впереди?..

Я двинулась по тротуару со скоростью, не подобающей такой немолодой и приличной матроне, как я.

Где же они? Через два квартала уже «Буллет-банк» будет. Неужели и правда?..

Впереди мелькнула обтянутая серым пиджаком спина. Григорьев?

А где же тогда его... спутница?

Я совсем перешла на бег. Ну, точно, это Григорьев. У меня отлегло от сердца. Да, давненько я так не волновалась. А вот где эта тетенька?

Успокоившись, я снова пошла характерной для моей роли чинной походкой, так что Александра Владимировича я догнала только у самого банка.

У него хватило ума не оборачиваться на меня. Он вошел в парадный ход, а я направилась к заднему, который специально для меня оставили открытым.

* * *

«Эх, жаль, не удалось мне с этой таинственной незнакомкой потолковать, – с досадой думала я, переодеваясь в служебной уборной, – странная она какая-то, на самом деле таинственная. Просто походила за Григорьевым следом немного и исчезла опять. А я ее даже и не рассмотрела толком, все больше со спины ее разглядывала. Нормальная спина, не примечательная ничем, как теперь эту женщину по спине одной вычислишь? И прическа тоже самая обыкновенная – светлые, по-моему, крашенные волосы, собранные сзади в

хвост. Вот и все, что я о ней знаю. Н-да, негусто, конечно...»

* * *

– Светлые крашенные волосы? – удивленно прищурился Александр Владимирович, – в хвост собранные? Да черт ее знает... Как я по таким признакам могу определить – знакомая она моя или нет?

– Не смогла я ее разглядеть лучше, – в который уже раз повторила я. Я чувствовала себя виноватой. Не знаю почему – виноватой. Свою работу-то я делаю – ничего не пропало, никого не убили...

– К вам Валерий Петрович, Александр Владимирович, – заглянула в кабинет секретарша.

– А-а, хорошо, – Григорьев кивнул мне, я отошла в угол кабинета, села на низкий диванчик и взяла с журнального столика какую-то газету.

Вошел невысокий – пожалуй, даже ниже среднего роста – человек. Его лицо, с грубоватыми, крупными чертами, и гладко причесанные рыжие волосы создавали бы выражение простодушия и добродушия, если бы не узкие маленькие глаза.

Я коротко взглянула на вошедшего и занялась газетой – открыла последнюю страницу. Ага, вот и кроссворд! Ну-ка, займемся кроссвордом, проверим свою эрудицию. Так... «Небольшая хищная птица семейства соколиных». Шесть

букв. Посмотрим...

– Вот, Александр Владимирович, вам текущая документация, – четко выговаривая каждую букву, произнес вошедший, – только смотрите... Я вас уже предупреждал насчет собрания. Мне, Александр Владимирович, очень неприятно вам говорить это, но... В общем, сами знаете.

«Небольшая хищная птица семейства соколиных»... Интересный рыжий коротышка. Он что, начальник Григорьева, что ли? По интонациям вроде начальник... Так... что там у нас? Шесть букв...

– Я принял меры, Валерий Петрович, – серьезно начал Григорьев, – уверяю вас, бумаги больше пропадать не будут.

– Очень на это надеюсь, – сухо отреагировал Валерий Петрович, – какие же меры вы приняли, позвольте узнать?

– Я телохранителя нанял... Кстати, Женя, познакомьтесь, это мой компаньон Валерий Петрович Задовский. Мы с ним, так сказать, делим власть над нашим «Булет-банком».

Я поздоровалась.

– Вы телохранитель? – удивленно подняв редкие рыжие брови, поинтересовался Задовский.

– Да, – сдержанно ответила я. Вот всегда одно и то же. Чего тут такого сверхъестественного? Можно подумать, женщина не может быть телохранителем...

– Н-да, – несколько даже скептически, как мне показалось, произнес Задовский, – приятно познакомиться.

«Тоже мне... – подумала я, – а у вас, гражданин Задов-

ский, фамилия идиотская...»

– Ну хорошо, Александр Владимирович, – даже улыбнулся Задовский, – с такой защитой... Теперь я полностью спокоен.

Рыжий Валерий Петрович направился было к двери, но на полдороге вдруг остановился и, не поворачиваясь, провел рукой по лицу.

– Пойдите, – обернулся он ко мне, – как, вы говорите, вас зовут?

– Евгения Максимовна Охотникова, – отчеканила я и снова опустила глаза в свой кроссворд. «Птица из шести букв».

– Женя Охотникова, – задумчиво повторил Задовский, – где-то я уже слышал про вас. Ну ничего, – снова улыбнулся он, – потом вспомню.

– Кобчик! – вдруг выпалила я.

– Что, простите? – снова обернулся уже взявшийся за дверную ручку Задовский.

– Да вот же! – предъявила я ему кроссворд, – небольшая хищная птица семейства соколиных. Шесть букв.

– Ага, – неопределенно произнес Задовский и вышел.

Была бы я помладше лет эдак на... несколько, я показала бы вслед ему язык. Не нравятся мне такие люди... начальственного типа. А этот еще с ехидцей такой.

– Чего это вы, Женя, про кобчика-то? – поинтересовался мой подопечный, перебиравший на столе принесенные Задовским бумаги.

– Кроссворд разгадываю, – пояснила я, – и вам, Александр Владимирович, тоже надо бы задуматься.

– О чем это? – рассеянно спросил Григорьев. Он присел за свой стол и углубился в бумаги.

– О Задовском Валерии Петровиче, – ответила я. – Вы же говорили, что вы с ним власть над банком делите. Может быть, это он бумаги-то у вас ворует? Может быть, не хочет он делить?

– Ерунду говоришь, – не отрываясь от бумаг, пробубнил Александр Владимирович, – я ж с ним четыре года работаю. Я честнее партнера не видел...

Я пожала плечами и снова углубилась в свой кроссворд. Вообще-то я больше из вредности на Задовского наговорила. Не понравился он мне. Скептически он ко мне отнесся. Правда, потом припомнил что-то... Ну, да неважно.

А в принципе подозрения мои не лишены основания. Мотивы-то есть – возможность единоличной власти над банком. Хотя...

* * *

Отдежурить полный рабочий день Григорьева не составило для меня никакого труда. Вылазок мы больше не делали, я просто сидела у него в кабинете на низком диванчике и читала газеты и всяческие журналы.

Надо будет книжку с собой взять завтра. Из тетиной бога-

тейшей коллекции. Какое-нибудь ненавязчивое чтиво, типа того же «Очищения смертью». Так и скоротаю время.

Хорошую, оказывается, работенку мне Игорь Селиверстов отыскал, спокойную. Надо позвонить ему, поблагодарить.

К вечеру я начала уже задремывать. Мы с Александром Владимировичем пообедали в служебной столовой банка – у них еще и маленькая столовая для работников есть, и часам к шести меня, честно говоря, немного сморило.

Я прилегла на диванчик, и разбудил меня только голос охранника, который пришел сообщить Григорьеву, что банк закрывается.

Я зевнула и поднялась:

– Что, Александр Владимирович, рабочий день закончен? Домой пора?

– Ч-черт, – выдавил Григорьев и откинулся на спинку своего кресла, – не успеваю я никак.

– Так скажите, что вы еще останетесь в кабинете, – наивно предложила я.

– Чего? – изумился Григорьев. – Это же банк. Хоть я и почти полный владелец этого заведения, но правила соблюдать должен.

– Пример другим подавать?

– Н-ну... да.

Григорьев застегнул рукава рубашки и надел пиджак. Он собрал в папку бумаги и, поднявшись с кресла, задумчиво

постучал папкой о стол:

– Видимо, придется мне опять бумаги с собой брать. Домой, – он посмотрел на меня.

– Возьмите, – пожала я плечами, – только я папку понесу. Пусть будет в моих руках, так безопаснее, уж вы мне поверьте.

– Хорошо, – согласился Александр Владимирович и вручил мне папку, – только... это самое... – предупредил он.

– Не волнуйтесь, – успокоила его я, – это моя работа, как говорится.

Мы покинули кабинет, прошли по опустевшему коридору, спустились на первый этаж. Внизу, прямо перед выходом, на проходной стоял Валерий Петрович Задовский. Общался с охранником. Что-то ему по-отечески внушал.

Увидев нас, Задовский повернулся к нам и улыбнулся сердечно:

– Последний уходите, Александр Владимирович, – четко выговорил он и посмотрел на часы, – половина десятого, для руководителя это... очень хорошо, – они обменялись с Григорьевым рукопожатием – прощались до завтра.

– А-а! – обратил внимание Задовский на то, что папка находилась в руках у меня, а не у Александра Владимировича. – Телохранитель на работе? – и к Григорьеву: – Доверяете, Александр Владимирович?

– Доверяю, – согласился Григорьев, – до свидания, Валерий Петрович.

Мы вышли из банка и проследовали к черному «Шевроле», за рулем которого дремал здоровенный детина в красной кожаной кепке.

– Здрасьте, Сан Димыч, – безразлично промямлил детина. Потом заметил меня, не удивился и тоже поздоровался: – Привет.

– Это Дрям, – представил его Григорьев, садясь в машину.

– Как? – не поняла я.

– Дрям, – повторил Григорьев, – фамилия у него Дрямов, вот и прозвали так – Дрям. А вообще-то его Димой зовут, – добавил он.

Дрям-Дима молча завел машину, и мы тронулись. Александр Владимирович все время, пока мы ехали до его дома, посматривал на папку в моих руках.

* * *

На место назначения мы прибыли минут через двадцать. Дрям-Дима все время молчал, только носом посапывал так, что заглушал порой шум мотора. Александр Владимирович тоже ни слова не проговорил – устал он.

А я все ждала, когда появятся грабители в черных масках и длинных плащах. Шучу, конечно, я тоже спать хотела. Прошлой ночью плохо спала.

Мы подкатали к подъезду большого девятиэтажного дома. Дрям-Дима заглушил мотор и немедленно ткнулся голо-

вой в баранку. Снова задремал.

– Не уезжайте пока, – предупредил Александр Владимирович водителя, – сейчас Женя проводит меня, и домой ее отвезете.

Дрям-Дима согласно буркнул из-под своей кепки.

Даже так! Какую возможность господин Григорьев упускает. Вполне в его полномочиях было попросить меня остаться на ночь. В смысле – охранять его ночью. А вот поди ж ты. Ну, Александр Владимирович, Александр Владимирович...

– Вы уверены, – произнесла я, выходя из машины, – что не хотите, чтобы я осталась на ночь?

– Мне работать надо, – словно бы извиняющимся тоном проговорил Григорьев.

Наверное, выражение «остаться на ночь» он воспринял... в известном смысле. Вот олух, честное слово.

– Работайте, конечно, – разрешила я, – но лучше было бы... Хотя, Александр Владимирович, дело ваше.

Интересно, как наш разговор Дрям-Дима оценил?

Мы прошли в подъезд. Ого, здесь и консержка есть! Крутой, как видно, домик.

Потом поднялись на лифте до нужного этажа.

– Ну вот и мое жилище, – проговорил Григорьев, указывая на массивную железную дверь.

Ничего себе дверка. Пожалуй, действительно за такой броней Александру Владимировичу ничего не угрожает. Вот

только проверить надо квартиру-то...

Я вошла вслед за Григорьевым в его квартиру и прошла по всем комнатам, заглядывая в шкафы и под кровать. В ванную и туалет тоже заглянула. И на балконе посмотрела.

Похоже, все чисто.

– У меня сигнализация есть в квартире, – сообщил мне Александр Владимирович, он уже снял пиджак и включил настольную лампу в кабинете.

– Хорошо, что сигнализация, – похвалила я и вручила ему папку, – вот ваши драгоценные документы. Посмотрите.

Насчет посмотреть я, кажется, могла и не говорить ничего – Григорьев жадно выхватил у меня папку, открыл ее и пролистнул лежащие там бумаги.

– Здесь... – удовлетворенно прошептал он.

– А где же им еще быть? – искренне удивилась я, – как положили, так они и лежат.

– Ага... – счастливо произнес Александр Владимирович, – целенькие. Ну, – обернулся он ко мне: – До завтра, Жень.

– До завтра.

Я вышла из его квартиры и, дождавшись, пока он запрет за мной дверь, начала спускаться по лестнице. Лифтом я пользоваться не стала – посмотрю, нет ли кого в подъезде.

Глава 3

На улице было прохладно. Весна, поздний вечер – конечно, прохладно.

Я глубоко вдохнула – хорошо, на сегодня рабочий день закончен. Завтра опять к восьми часам на работу. Я едва не рассмеялась – никогда раньше не ходила на работу к восьми часам.

Надо будет с собой книжку тетину какую-нибудь взять. И плед еще, ноги прикрывать на диванчике том, а то из окна дует.

Да, что-то я размякла совсем. Это все Григорьев – слишком уж спокойная у него работа. Самые волнительные моменты – за незнакомыми дамочками бегать. Не то что...

Ну ладно.

Я закурила сигарету и направилась к ожидавшей меня машине.

Дрям-Дима все еще отдыхал, уткнувшись кепкой в баранку. Хотя, позвольте... Не кепкой в баранку, а непосредственно головой. Что это он кепку-то снял? Жарко, что ли? Да не жарко вообще-то...

Я замедлила шаги и окликнула водителя. Он не шевельнулся.

Понятно!

Еще прежде, чем я кинулась на землю, под прикрытие ма-

шины, со стороны придорожных кустов загремели выстрелы. Из григорьевского «Шевроле» посыпались выбитые пулями стекла.

Я огляделась – метрах в трех от меня располагался ухоженный скверик. Хороший скверик, не у каждого дома такой есть. Повезло Александру Владимировичу – женится, с детьми тут гулять будет...

Первый шквал выстрелов смолк.

Подобравшись, я длинным кувырком преодолела расстояние до скверика и с шумом бросилась сквозь кусты. Эх, пора менять мне свою гражданскую привычку носить мини-юбки. Неудобно кувыркаться. А я сетовала на излишнее спокойствие работы у Григорьева. На скуку сетовала.

Ага, невидимые стрелки открыли прямо-таки ураганный огонь. Одна пуля впиалась в ствол дерева у меня над головой, другая – срезала ветку в нескольких сантиметрах от моего уха.

Я присела под деревом и стала вглядываться туда, откуда раздавались выстрелы.

Как того и следовало ожидать, обстрел скоро прекратился. Ну вот, теперь наступила моя очередь действовать. Подожду-ка я этих... вольных стрелков.

От разбитого автомобильного окна отвалился еще один осколок и со звоном разлетелся на асфальте. Эх, Дрям-Дима, Дрям-Дима... Нет больше Дрям-Димы. Да и «Шевроле» жалко. Новая совсем машина была, насколько я успела заме-

тить...

С той стороны двора раздался шорох. Вот и мои стрелки. Наемные убийцы. Интересно, это они непосредственно на меня охотились? Или, может быть, Александра Владимировича замочить хотели?

Непохоже, что Александра Владимировича. Ясно, что кто-то пытается убрать его от управления банком путем соответствующих подстав с документами. Тактика понятная, простая и определенная, зачем ее менять?.. Этому кому-то не нужно убивать Григорьева. Этому кому-то меня нужно убивать. Чтобы не мешала я... подставам.

Две тени перебежали от кустов к машине. Я не шевелилась. Тогда они бросились к скверику.

Так и есть – я улыбнулась – ребятки решили, что я дала тягу, убежала подальше через этот самый сквер.

Давайте, давайте.

Это были два парня, немногим, наверное, постарше двадцати лет, одетые в черные кожаные куртки. В руках – пистолеты. Насколько я могла рассмотреть – хорошие пистолеты, не самопалы какие-нибудь. Приятно все-таки, когда на тебя покушаются с качественно изготовленным оружием, – уважают, значит.

Они бежали один за другим, гуськом. В глазах первого я увидела изумление, когда выросла перед ним как из-под земли. Не страх – а только изумление.

Его я нокаутировала с одного удара – кулаком в висок.

Быстро, чтобы второй парень не успел никак среагировать. Когда первый убийца, коротко захрипев, рухнул мне под ноги, второй остановился и на секунду замешкался, раза два дернув своим пистолетом.

А вот с тобой я еще поговорю. Надо же мне узнать, кто заказчик. Я выбила ствол у него из рук и, не сделав после этого никакого перерыва, врезала парню под дых.

Он задохнулся и опустился на колени.

Где-то вдали завывали милицейские сирены.

Черт возьми, успели уже ментов вызвать! Наверняка это Александр Владимирович постарался. Беспокоясь, так сказать, за мою жизнь. За свою бы лучше побеспокоился. Надо его предупредить, чтобы он никогда ментов в мои дела не вмешивал. Ни к чему мне милиция.

Ну ладно, если уж вызвали...

Ребром ладони я сильно ударила начавшего уже подниматься парня по шее. Не успев даже пикнуть, он повалился с переломанными шейными позвонками на бесчувственного своего товарища.

В момент падения тела я услышала приглушенный неожиданный хлопок, в котором сразу распознала выстрел. Н-ну... Очевидно, нажали курок конвульсивно дернувшиеся пальцы убитого мною человека.

Я наклонилась и стащила один труп с другого. Вот так да, парень, который был без сознания, – убит. Случайная пуля попала ему прямо в сердце.

Все. Ни к чему, правда, было тебе в живых оставаться. Свою работу я с ментами делить не намерена. На мне много чего нехорошего висит — я же несколько лет работаю уже в этом городе. Нечего мне в милиции делать.

Три трупa во дворе, да еще без свидетелей, — это, так называемый на милицейском жаргоне, «глухарь». То есть практически нераскрываемое дело — свидетелей-то нет.

А такими делами — «глухарями» — никто всерьез не занимается. Кому это надо?

Во дворе темно было, да и время уже позднее. Вряд ли меня кто-нибудь заметил. Хорошо еще, что, когда я выходила из подъезда, консьержки на месте не было. Это вообще замечательно. Теперь она может сказать, что видела, как Григорьев пришел домой с девушкой в короткой юбке, а вот чтобы кто-то выходил, она не видела.

Сирены приближались.

Теперь надо побыстрее прошмыгнуть обратно в квартиру к Александру Владимировичу и предупредить его, что я все это время с ним была. И на ночь, кстати, собиралась остаться.

Вот это совсем правдоподобно.

Хлопнула дверь в подъезд.

Ага! То, что надо, — это консьержка выбежала. Осмелела — сирены-то милицейские всюду орут. Менты вот-вот во двор въедут.

Я тихонько выскользнула из скверика. Консьержка побе-

жала навстречу показавшемуся ментовскому «газику», а я перекатилась к стене дома, и так – по стеночке – пробралась в подъезд.

Теперь – никаких лифтов – быстро и бесшумно по лестнице и к Григорьеву.

Я мигом взлетела по этажам. Тихонько постучала в дверь к Александру Владимировичу.

Вот хорошо – никто меня, кажется, не видел, никто не слышал. Не всегда так удачно бывает, а сейчас – повезло.

– Кто там? – дрожащим голосом прошептал за дверью Григорьев.

– Свои, – как можно тише и внушительнее ответила я ему.

Он приоткрыл дверь, и я шмыгнула в прихожую, расстегивая на ходу свою кофточку. Александр Владимирович обалдело смотрел, как детали моего туалета одна за другой оказывались на полу.

Когда с себя снимать мне было практически уже нечего, я принялась за одежду Александра Владимировича.

– Что вы, Женя, – залопотал он, неловко сопротивляясь, – по-моему, немного не то время...

– То, то самое, – сквозь зубы уверила я его. – Теперь – готово, – проговорила я через минуту, приведя одежду Григорьева в некоторый беспорядок.

Я бросилась в его спальню и наскоро разобрала постель, сдернула с нее покрывало и крикнула обалдевшему Александру Владимировичу:

– Беги вниз. Там наверняка менты уже разбираются, чью это машину изрешетили. И не забудь их сюда привести, чтобы они видели, чем мы здесь занимались... – я юркнула в постель и зарылась под одеяло.

– Так мы же...

– Да алиби мне нужно, пойми! – Уже выведенная из себя непонятливостью своего шефа, повысила я голос: – Я никуда из квартиры не выходила, понятно?

– По... понятно, – едва слышно проговорил Григорьев и, спотыкаясь, засеменил к двери.

Интересно, что это я его на «ты» называть начала?

* * *

– Кто бы это мог быть? – задумчиво постукивая по столу своей папочкой, вопрошал сам себя Григорьев, – кому моя смерть выгодна? Кто же это?

– Бандиты, – подсказала я со своего диванчика – восемь часов утра, и я снова на работе.

– Кто?! А-а... Понятно, что бандиты...

– И вообще, Александр Владимирович, – я отвлеклась от тетушкиного «Очищения смертью», – и вообще, Александр Владимирович, я уже несколько раз вам говорила, что не на вас это покушение было. А на меня.

– Да вас-то, Женя, за что? – искренне, хотя и в который раз уже, поразился Григорьев. – Вы же не управляете банком.

– Банком я, допустим, не управляю... – я снова опустила глаза в книгу.

Банком я, допустим, не управляю, но на хвост я кое-кому в этом городе наступала. Именно этим вот бандитам, которые, по моему безошибочному определению, подготовили нападение... Я же все-таки телохранитель. И притом, хороший. Так что, черт его знает, кто точно из этих бандитов...

Разве я их всех упомяну?

Хотя...

Жирное, всегда лоснящееся лицо, большая черная родинка-чернослив под левым глазом, необъятный пиджак, королевское имя. Генрих Юсин. Бывший второстепенный обкомовец – сейчас городской первостепенный пахан. Когда я Игорька Селиверстова охраняла... пришлось немного Генриха потрепать – на Игоря он наезжал тогда.

Помню, не совсем легкая эта работенка была. Генрих прислал за мной двух бандюков своих – неизвестно как попавших в его группировку украинских боевиков – братьев Гопоненковых, Валерия и Алексея.

Валерия я застрелила из его же ствола, а Леша выпал с восьмого этажа из кабинета Селиверстова. Не без моей помощи, конечно, выпал.

И сам Генрих от меня по мордасам получал. Когда еще со мной, так сказать, близко знаком не был, в первый раз на меня наварлся и пришел на встречу ко мне с двумя всего бандитами и с большой уверенностью в своих силах. Вот и

схлопотал.

Да... Скорее всего он – Генрих Юсин. Надо бы отыскать его. Проверить. А то как бы он меня не опередил. Опередит, чего доброго, бывают же чудеса...

– Милиция мне так и сказала – глухое дело, – грустно сообщил мне Григорьев. – Трудно будет раскрыть. Свидетелей-то не оказалось.

Дверь в кабинет приоткрылась. В образовавшееся отверстие просунулось пестрое секретаршино личико. Накрашена секретарша была сегодня... круто.

– К вам Валерий Петрович, – пропищала она Григорьеву, уставившись на меня.

– Здравствуйте, здравствуйте, Александр Владимирович! – Задовский вошел так стремительно, что едва не прищемил секретарше голову. – Я за документами, – он похлопал себя по карманам и выбросил вперед руку для пожатия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.